

0 7 2 3 9 4 5 - 1

На правах рукописи

КРИНИЦКИЙ Александр Ярославович

**ИСТОРИОГРАФИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ
НА УРАЛЕ
(МАРТ-ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)**

**Специальность 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы
исторического исследования**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Тюмень 2001

Диссертация выполнена на кафедре документоведения, историографии и источниковедения Тюменского государственного университета.

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор **Е. Б. Заболотный**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор **Н. П. Носова**
кандидат исторических наук,
доцент **Л. А. Фофанова**

Ведущая организация: Уральский государственный
экономический университет

Защита состоится 2 ноября 2001 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 274. 04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15а, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета

Автореферат разослан 2 октября 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Петрова В. П. ПЕТРОВА

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000568862

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. 1991 г. подвел черту под длительным этапом российской государственности, начало которому было положено революцией 1917 г. Инициированные в результате этого и продолжающиеся до сих пор реформы органов власти и управления выявили существенные разногласия относительно приемлемости избранных государством ориентиров. Возрос интерес к аналогичным реформам прошлого.

Пристальное внимание исследователей привлекают события самого 1917 г., когда в обществе одновременно разворачивались два процесса: 1) основанная на принципе преемственности права реорганизация правительством старых и создание новых структур; 2) основанное на идеях гражданского участия создание населением альтернативных структур власти и управления. Реформам 85-и летней давности даются разные оценки. Они трактуются и как первый отечественный опыт демократизации сферы властных отношений и как критический момент развития отечественной государственности, период ее полного разрушения. Противоречивость позиций, наличие как позитивных, так и негативных оценок, затрудняет учет исторического опыта. Актуальной, таким образом, представляется задача систематизации имеющихся знаний об управленческих процессах 1917 г., выявление тенденций в их освещении. Ее решение имеет принципиальное значение как для теории (возможность выхода на уровень создания новой, отвечающей потребностям сегодняшнего дня, интерпретации вопросов власти и управления в 1917 г.), так и практики (возможность учета исторического опыта при создании и реализации проектов реформирования органов власти и управления).

Объект и предмет исследования. Объектом исследования стала совокупность научных трудов, воспоминаний, опубликованных и неопубликованных архивных материалов, отразивших историю революции 1917 г. на Урале. Предмет исследования – содержащиеся в указанной литературе сведения о процессе формирования и функционирования системы органов власти и управления.

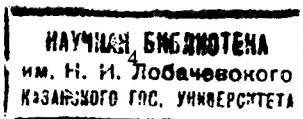
Важным представляется вопрос о содержательной стороне предмета исследования (реальной совокупности структур периода 1917 г., попадающих под категорию органов власти и управления). В историографии революции доминируют два подхода: юридический (игнорирует спонтанно возникшие в 1917 г. на местах структуры как властные субъекты) и классовый марксистский (абсолютизирует роль обществен-

ных субъектов за счет принижения роли субъектов государственных). Учитывая данный факт, а также то обстоятельство, что в современных трактовках терминов «органы власти» и «органы управления» не оговаривается однозначно государственная или общественная первооснова таковых, мы исходим из максимально широкого их понимания применительно к событиям 1917 г. Под органами власти и управления понимаются реальные центры влияния и принятия решений, возникшие в период марта-октября 1917 г. как по инициативе государства (комиссариаты, земства, думы, продовольственные, земельные комитеты), так и по инициативе населения (комитеты общественной безопасности, советы, органы корпоративного самоуправления).

Степень изученности проблемы. Имеющаяся историография истории органов власти и управления в 1917 г. складывается из нескольких групп материалов. Во-первых, специальные исследования, посвященные состоянию изученности отдельных звеньев и элементов системы власти. Вариантом указанной группы работ следует считать исследования, рассматривающие изученность вопроса в связи с участием в тех или иных властных структурах конкретных социальных и политических сил. Во-вторых, историографические труды общего характера, включающие наряду с анализом изученности прочих аспектов и интерпретацию исследовательских подходов к освещению непосредственно вопросов власти и управления. Наконец, в-третьих, работы конкретно-исторического плана о системе власти и управления, авторы которых предваряют изложение собственной концепции характеристикой взглядов предшественников.

Наиболее полно проблема изучена применительно к общероссийскому уровню. Здесь удастся выявить все перечисленные историографические пласты. В 50-80-е гг. увидели свет обобщающие историографические труды Г. А. Алексеевой, М. Е. Найденова, Е. Н. Городецкого, Э. Н. Бурджалова, В. П. Наумова по истории революции¹.

¹См.: Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука. 1917-1923. М., 1968; Бурджалов Э. Н. Источники и литература по истории второй русской революции// Свержение самодержавия. Сб. ст. 1970. С. 251-283; Найденов М. Е. Современная историография Великой Октябрьской социалистической революции// Исторические записки. 1977. Т. 100. С. 162-196; Минц И. И., Наумов В. П. Изучение истории Октября и гражданской войны// Изучение отечественной истории в СССР между XXIV-XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. I. С. 40-75; Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября, 1917-середины 1930-х гг.: Очерки. М., 1981; Он же. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930-1960 гг.: Очерки. М., 1982; и др.

Определив место темы в работах о 1917 г., степень изученности отдельных сюжетов, историографы стимулировали интерес к вопросам власти и управления. В 70-80-е гг. было написано более десятка капитальных исследований (монографий, диссертаций) по истории органов власти и управления в 1917 г.² Все они содержали анализ ранее опубликованных работ. На уровне отдельных элементов системы власти авторы выявили и проанализировали основные этапы складывания историографии темы. В 80-е гг. начинают появляться и специализированные историографические исследования. Имея преимущественно статейный и тезисный характер, они в совокупности охватили наработки практически по всем линиям реформирования системы власти и управления, всем значимым звеньям властной пирамиды³.

Становление региональной историографии темы протекало параллельно с аналогичным процессом в центре. Результаты его, однако, во многих случаях оказались более скромными как на уровне комплексного анализа изученности проблемы, так и анализа изученности отдельных сюжетов.

В отношении Урала серьезные обобщения имеются лишь на уровне знаний об отдельных элементах системы власти и управления. Достаточно полно освещены вопросы изученности истории советов.

²См.: Баранов Е. П. Местные органы государственного управления Временного правительства в 1917 г.: дис... канд. юрид. наук. М., 1975; Серебрякова З. Л. Областные объединения Советов России (март 1917-декабрь 1918). М., 1977; Седов А. В. Крестьянские комитеты в 1917 году: дис... д-ра ист. наук. М., 1980; Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983; Вахромеев В. А. Продовольственные комитеты в 1917 г.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984; Комиссаренко Л. А. Муниципальная деятельность партии большевиков в 1917 г.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Л., 1985; и др.

³См.: Поливцев Н. С. Советы рабочих депутатов как органы власти в период двоевластия (март-июнь 1917 г.) в новейшей советской литературе // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1977. С. 38-47; Баженова Т. М. Советская историография местных органов власти буржуазии в период февраля-октября 1917 г. // Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980. С. 122-134; Зайцев В. А. Некоторые вопросы историографии борьбы большевиков против меньшевиков за профсоюзы и фабзавкомы // Проблемы возрастания руководящей роли КПСС в период строительства социализма и коммунизма. М., 1981. Вып. 1. С. 23-31; Седов А. В. Крестьянские комитеты 1917 г. в советской историографии // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С. 106-119; Семьянинов В. П. Дооктябрьские волостные Советы 1917 г. в исторических исследованиях // Там же. С. 119-128; Васюкова В. В. Советская историография о тактике большевиков в органах местного самоуправления // Из истории социалистического строительства. Саратов, 1989. Вып. 17. С. 65-75; и др.

Этому посвящены специальные статьи М. Д. Машина, А. М. Папина, Л. И. Ермолиной, Л. А. Фофановой, А. Т. Тертышного⁴, а также включенные в исследования конкретно-исторического плана вводные историографические очерки К. М. Первухиной, Г. А. Дробышева, Л. А. Обухова⁵. Проанализированы подходы историков к освещению процесса организации советов, учету их общего количества на разных этапах революции, обоснованию роли как органов диктатуры пролетариата. Итоги изучения истории советов Урала 1917 г. в течение 70 лет подвел в своей монографии «Историография Советов Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны» А. Т. Тертышный.

Меньше внимания в региональной литературе уделено характеристике работ по истории государственных органов власти и управления. Историография истории местных структур власти Временного правительства нашла частичное отражение лишь в ряде более широких по своей проблематике, нежели интересующая нас тема, работ Т. М. Баженовой. Сюда следует отнести историографический раздел ее кандидатской диссертации⁶ и упоминавшуюся ранее статью общего характера «Советская историография местных органов власти буржуазии в период февраля-октября 1917 г.».

Изучение историографии истории КОБов региона было инициировано в 60-е гг. Причиной послужила оригинальная, выходящая за рамки традиционной описательной схемы трактовка их сущности Ф. С. Горовым. В 60-80-е гг. критический анализ позиции учено-

⁴См.: Машин М. Д., Папин Л. М. Борьба за власть Советов на Южном Урале. (Обзор новых публикаций документов и исследований)// История СССР. 1961. №4. С. 175-178; Ермолина Л. И. Некоторые вопросы историографии истории Советов на Урале в 1917-1925 гг. // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917-1967. С. 161-166; Фофанова Л. А. Проблема Советов на Урале периода Октября в литературе 20-х-начала 30-х г. // Установление и упрочение Советской власти на Урале. Челябинск, 1983; Тертышный А. Т. Основные итоги изучения проблемы партийного руководства Советами на Урале в период Октябрьской революции и гражданской войны// Историография истории Урала переходного периода. 1917-1937. Сб. научн. тр. Свердловск, 1985. С. 73-84.

⁵Первухина К. М. Советы рабочих и солдатских депутатов Урала на пути к Октябрю// Борьба за победу и укрепление Советской власти 1917-1918 гг. М., 1966. С. 29-65; Дробышев Г. А. Советы рабочих и солдатских депутатов Пермской губернии в период двоевластия// Рабочие Урала в период капитализма (1861-1917). Сб. научн. тр. Свердловск, 1985. С. 144-161; Обухов Л. А. Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992; и др.

⁶Баженова Т. М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале-октябре 1917 года: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Пермь, 1977.

го был дан как уральскими, так и столичными исследователями⁷. В 80-е гг. проблематика историографии истории КОБов значительно расширилась. Взгляды отдельных историков 20-30-х гг. (А. Орлова, П. Быкова, Ш. Типеева) на их место в системе властных отношений суммировала Л. А. Фофанова⁸. Несмотря на то, что сама исследовательница склонна относить КОБы к контрреволюционному лагерю (такой вывод с определенностью вытекает из названия статьи), работа фиксирует неоднозначность отношения к ним на раннем этапе изучения. В 1987 г. с докладом, обозначившим общие тенденции освещения истории комитетов региона, выступила Л. А. Лукьянова⁹.

Результаты изучения деятельности волостных и земельных комитетов Урала в рамках темы «Историография крестьянства в 1917 г.» обобщены в статьях И. С. Капцуговича и Л. И. Легошина¹⁰. К сожалению, авторы не пошли дальше перечисления основных исследователей проблемы в регионе и указания названий их работ. Наконец, что касается состояния наших знаний относительно вопросов формирования и функционирования остальных элементов системы власти и управления в 1917 г. (крестьянские союзы, фабрично-заводские комитеты, милиция, городские думы, земства, продовольственные комитеты), то следует отметить, что пока на уровне региона они даже в наиболее общем виде не стали объектом скрупулезного исследования со стороны историографов.

На уровне комплексного анализа литературы по истории органов власти и управления видимых достижений еще меньше. Специальных историографических изысканий в обозначенном направлении до сих пор не проводилось. Имеющиеся наработки представляют собой частные сюжеты в рамках исследований общего характера

⁷См.: Герасименко Г. А. Общественные исполнительные комитеты 1917 года в исторической литературе. С. 109-110.

⁸См.: Фофанова Л. А. Литература 20-первой половины 30-х гг. о контрреволюции на Урале накануне и в период Октября // Историография истории Урала переходного периода. 1917-1937. Сб. научн. тр. Свердловск, 1985. с. 21-35.

⁹Лукьянова Л. А. Комитеты общественной безопасности на Урале в 1917 г. (к историографии вопроса) // Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период (проблемы историографии и источниковедения). Тюмень, 1987.

¹⁰Капцугович И. С. К историографии истории аграрного движения на Урале в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Историческая наука на Урале за 50 лет. С. 110-117; Легошин Л. И. Партия большевиков и крестьянство Урала в 1917 г. (основные итоги и задачи изучения проблемы) // Большевицкие организации Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917-1920). Свердловск, 1981. С. 18-31.

по историографии истории 1917 г. на Урале¹¹. Научная и информационная ценность таких сюжетов (именно конкретных сюжетов, а не содержащих их работ в целом) относительно невелика, что обуславливается соотношением присущих им качественно позитивных и качественно негативных черт.

Важнейшим достижением явилось более полное, всестороннее отражение состояния изученности темы. Анализируя разработки по различным направлениям процесса реформирования системы власти и управления в 1917 г. (городские – сельские органы власти; революционные – контрреволюционные институты), авторы сумели сделать определенные выводы относительно степени изученности проблемы в целом, отдельных ее аспектов. Выявление наименее изученных линий явилось стимулом для более интенсивной проработки их исследователями. К недостаткам же имеющихся комплексных исследований следует отнести практику: 1) сужения реально изученной области данных о функционировании механизма власти, ограничение ее рамками анализа наиболее важных властных структур (как правило, советов, местных органов Временного правительства, городских и сельских комитетов общественной безопасности); 2) раздельного рассмотрения исследований по истории органов, имевших разную социально-классовую природу; 3) подмены общерегулирующей сущности органов власти и управления задачами исключительно политического регулирования. Экономическая, мобилизационная, интеграционная и т. д. сферы деятельности остаются без внимания, что порождает иллюзию их полной неизученности историками.

Анализ имеющейся по теме литературы, таким образом, фиксирует недостаточность внимания, уделенного историографами проблеме изученности вопросов власти и управления на Урале в 1917 г. Это, в свою очередь, делает необходимым проведение нового исследования.

Цель и задачи исследования. Учитывая состояние изученности вопроса, его теоретическую и практическую актуальность, автор поставил перед собой цель изучить процесс накопления знаний по

¹¹См.: Фофанова Л. А. История Великой Октябрьской социалистической революции на Урале в советской историографии 20-первой половины 30-х гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М, 1985; Васьковский О. А., Заболотный Е. Б. Камынин В. Д. Современная советская историография истории Октябрьской социалистической революции на Урале: Учеб. пособие. Свердловск, 1985. С. 36-42; Заболотный Е. Б. Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995. С. 39-42, 87-88, 129-134.

истории органов власти и управления на Урале в период 1917 г. в отечественной литературе XX в.; провести комплексный анализ имеющейся по теме литературы.

Поставленная цель достигается посредством решения ряда конкретных исследовательских задач.

Во-первых, ввиду отсутствия аналогичных исследований необходимо выявить, систематизировать и охарактеризовать все имеющиеся отношение к проблеме власти и управления на Урале в 1917 г. исследования.

Во-вторых, учитывая зависимость исследовательских концепций от характера существующего в стране политического режима следует выявить методологические доминанты анализа системы власти и управления на каждом из обозначенных этапов развития отечественной исторической науки XX в.

В-третьих, требуется проанализировать проблематику исследований по истории органов власти и управления на Урале в 1917 г., выявить наиболее полно и наиболее слабо изученные сюжеты, определить причины соответствующего отношения к ним со стороны исследователей.

В-четвертых, помня о практической стороне вопроса власти и управления необходимо на основе анализа литературы показать общее и особенное в процессе складывания системы власти и управления в отдельных частях уральского региона.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 г. до конца XX в. Различия в исследовательских подходах и понимании сущности революционных событий обусловили деление обозначенного периода на отдельные этапы. Основу периодизации составили разработки О. А. Васьковского, А. Т. Тертышного, В. Д. Камынина, Е. Б. Заболотного, выделяющих в своих трудах по историографии истории революции в регионе этапы первоначального осмысления событий современниками в условиях относительной свободы мысли (1917-20-е гг.); трактовки с ущербных позиций «Краткого курса» (начало 30-х-середина 80-х гг.); деидеологизации и восстановления исторической правды о 1917 годе (конец 80-х-90-е гг.). Разделяя обозначенную позицию, но, считая необходимым проводить привязку этапов не только к изменениям в недрах политической системы, но и реальным переменам в концептуальных подходах историков, автор вносит коррективы в трактовку последних двух, связывая их соответственно с 30-80-ми гг. и 90-ми гг. XX в.

Научная новизна исследования, определяемая недостаточностью разработанности проблемы, состоит в том, что:

— уточняется содержание понятия «органы власти и управления» применительно к кризисным периодам развития государства;

— впервые обобщается значительное количество историографических источников по истории органов власти и управления в Уральском регионе в 1917 г.;

— дается комплексный и всесторонний анализ литературы по теме, базирующийся на достижениях в области истории, философии, социологии, политологии, правоведения.

Практическая значимость работы заключается в том, что обобщенный в ней материал, сделанные автором выводы могут быть использованы:

— при разработке программ реформирования системы органов власти и управления в Уральском федеральном округе, близком в территориальном отношении к Уралу в границах 1917 г.;

— при проведении аналогичных историографических исследований по другим регионам страны;

— при создании новой, отвечающей потребностям сегодняшнего дня интерпретации вопросов власти и управления в период революции 1917 г.;

— при подготовке специалистов в области истории России, государственного и муниципального управления, политологии.

Методология исследования. Рассматривая процесс научного познания как обусловленный одновременно субъективными (личность автора) и объективными (социальная среда) факторами, в исследовании основной акцент делается на анализ и учет влияния последних. Мы исходим из того, что познающий субъект всегда есть порождение конкретной эпохи со всеми ее политическими и социально-экономическими условиями. Именно вписанность в определенную ситуацию делает его тем, кто он есть; заставляет мыслить так, как он мыслит. Прибегая к подобной трактовке историографического процесса, мы делаем это в соответствии с учетом принципа историзма, предполагающего изучение научных работ в контексте их исторической обусловленности.

Научные приемы, на которые опирается автор в ходе исследования, распадаются на ряд групп. Анализ документов и материалов был применен при выявлении из массива работ по истории русской революции: 1) блока исследований, посвященных истории органов власти

и управления; 2) блока исследований, посвященных указанной проблеме в интересующем нас регионе. Сравнительно-исторические приемы (анализ, сравнение, периодизация, актуализация и т. д.) использовались для выявления конкретных авторских позиций, а также условий, в которых происходило изучение темы. Логические приемы (индукция и дедукция) привлекались при выяснении взаимосвязи частного и общего, единичного и повторяющегося. Специфичность предмета исследования предопределила использование в работе концептуальных положений смежных общественных дисциплин: политологии, социологии управления, теории государства и права, кратологии.

Источниковая база. Работа над диссертацией потребовала привлечения широкого комплекса историографических и исторических источников.

В качестве основного вида источника выступают монографии, статьи, тезисы научные доклады, диссертационные исследования, авторефераты диссертаций. По тематическому признаку в данном блоке источников выделяются:

— работы по теории власти и управления;

— работы по историографии истории органов власти и управления в 1917 г.;

— работы по истории органов власти и управления в 1917 г.

Данная наиболее многочисленная группа привлеченных источников, явилась базовой при выработке собственной концепции автора.

Отдельную группу источников составили воспоминания участников революционных событий. Была изучена мемуаристика по теме, появившаяся в период первого послереволюционного десятилетия; издававшаяся позже в преддверие годовщин революции (сборники середины 30-, 50-, 60-х гг.); ряд воспоминаний, увидевших свет только в 90-е гг. Основанные на впечатлениях авторов, все эти работы зафиксировали факты и нюансы, не нашедшие должного отражения ни в источниках, ни в литературе. Немаловажен и тот факт, что на раннем этапе изучения проблемы (1917-20-е гг.) мемуаристика объективно представляла собой не только дополнительный, но и (в условиях отсутствия значительного количества научных интерпретаций) основной способ осмысления темы.

Значительное внимание в процессе написания работы было уделено анализу официальных государственных и партийных документов периода 20-80-х гг. Постановления Совета Министров СССР, Центрального Комитета КПСС, резолюции пленумов и съездов позволили обозначить степень обусловленности авторских трактовок

рамками официальной идеологии, выявить отношение власти к рассматриваемой проблеме.

Необходимость аргументации делаемых в процессе изучения литературы выводов, обусловила использование широкого круга опубликованных исторических источников. К важнейшим из них должны быть отнесены:

— законодательные акты центральных и местных органов власти и управления в период марта-октября 1917 г.;

— делопроизводственная документация органов власти и управления;

— делопроизводственная документация политических партий и общественных организаций, представлявших собой в 1917 г. основной канал рекрутирования кадров для аппарата власти и управления;

— материалы периодической печати.

При реконструкции процесса формирования научных институтов региона в 20-е гг. XX в. были привлечены материалы Тюменского областного центра документации новейшей истории. Материалы, выявленные в фондах Тюменского губкома РКП(б) (ф. 1), Тобольского окружкома ВКП(б) (ф. 30), Ишимского окружкома ВКП(б) (ф. 46), позволили пересмотреть дававшиеся прежде оценки роли комиссий по истории партии и революции (истпартов) в становлении региональной историографии 1917 г.

Апробация результатов исследования. Содержание диссертации обсуждалось на заседаниях кафедры документоведения, историографии и источниковедения Тюменского государственного университета, в рамках методического семинара кафедры политологии Тюменского государственного университета. Основные положения и результаты исследования были представлены автором на конференциях: «Архивы на рубеже веков, их роль в исторической науке, практике управления обществом» (Тюмень, 1999), «Интеллигенция и формирование гражданского общества в России» (Екатеринбург, 2000). Теоретические выводы использовались при разработке курса «Политическая социология». Содержание работы нашло отражение в пяти публикаций автора.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность и научная значимость выбранной темы, анализируется степень ее разработанности, опре-

деляются основные понятия, объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, определяются хронологические рамки, раскрывается теоретическая основа и источниковая база работы.

Первая глава «Литература 1917-20-х гг. о проблемах формирования и функционирования органов власти и управления на Урале в период революции 1917 г.» состоит из двух параграфов.

Первый посвящен выявлению круга работ по теме и характеристике теоретических подходов их авторов. Анализ источников показывает, что уже в отношении первого послереволюционного десятилетия имеется значительный пласт литературы, позволяющей судить о сложившейся на Урале в 1917 г. системе органов власти и управления.

Первой формой исторической рефлексии на события 1917 г. стали воспоминания участников революции. Для Урала, спецификой которого после революции являлась крайняя недостаточность и плохая сохранность документальных материалов по 1917 г., создание мемуарной литературы явилось важным этапом на пути осмысления вопросов власти и управления. Работы П. М. Быкова, А. Еленского, В. Кармашева, А. Ковшова, М. Копотилова, Л. А. Кроля, В. Сергеева, В. Эльцина, других участников революционных событий на местах содержали сведения об основных органах власти и управления, их социальной базе, взаимоотношениях друг с другом и центральными институтами власти. Управленческие структуры изображались в контексте логики развития местного революционного процесса.

В начале 20-х гг. стали появляться популярные и научно-популярные статьи и очерки о событиях 1917 г., писавшиеся также участниками событий. Их отличительной чертой являлось привлечение документальных данных: подлинных материалов эпохи (резолуций, программ, данных прессы) и свидетельств других современников революции. Результатом стала возможность выстраивать иерархию взаимодействий властных структур, выявлять спектр их реальных полномочий, то есть вести речь непосредственно о механизме власти и управления. Особого упоминания в данной связи заслуживают работы А. Баранова, В. Воробьева, Т. Корушина, А. Орлова, А. Ослановского, Ш. Типеева, статейные материалы П. Быкова, Денисова, Г. Касымова, А. Кийкова, В. Сергеева.

Как близкая к отмеченной, но отличающаяся еще большей степенью опоры на документы, в уральской историографии вопроса может быть охарактеризована группа материалов, принадлежавших перу А. Бессоновой, Е. Гольдич, С. Моисеева, А. Таняева. Их публикации представляли собой результат кропотливой длительной

работы по выявлению и систематизации документов, имеющих отношение к событиям 1917 г. в регионе.

В отдельную группу следует вынести исторические работы появившиеся вне пределов Урала и посвященные анализу революционных событий в общероссийском масштабе. Нередко они содержали весьма интересные сведения о ситуации, сложившейся в 1917 г. на периферии. Некоторые исследователи (С. М. Дубровский, А. М. Панкратова, А. В. Шестаков, М. К. Югов) использовали собственноручно уральский материал. Прибегая к нему как иллюстрации они, тем не менее, косвенно способствовали развитию знаний о системе власти и управления в регионе.

Анализ концептуальных основ выявленного комплекса литературы позволяет говорить о значительной специфике региональной историографии. В отличие от центра, где в отношении 20-х гг. удается выделять крупные блоки литературы кадетской, меньшевистской и эсеровской ориентации, на Урале соответствующих направлений в историографии не сложилось. Историки отразили большевистскую точку зрения на проблему власти и управления. В полном соответствии с ней внимание акцентировалось на антинародной сущности органов государственной власти, на наличии двух противостоящих друг другу управленческих центров, на значимости классовых структур пролетариата в процессе функционирования органов власти и управления.

Причины преобладания большевистских оценок связаны с рядом объективных факторов. 1. Влияние событий 1918-1921 гг.: регион попал в эпицентр сражений гражданской войны, что не способствовало проведению каких бы то ни было исследовательских работ. Первые работы появляются лишь в 1919-1920-м гг. на фоне поражения противников Советской власти, ликвидации их организаций. 2. Отставание региона в развитии научных центров. Созданные либо накануне революции (Пермь), либо после ее (Екатеринбург) крупные вузовские центры не имели опыта изучения политического прошлого Урала. Отсутствовали кадры специалистов. В итоге, в период становления в регионе марксистских центров исторической науки серьезной альтернативы им не выявилось. 3. Давление на науку со стороны партийных органов: научные кадры рекрутировались из партийной среды, создавалась сеть подчиненных партии институтов (истпартов), призванных руководить сбором и публикацией материалов и исследований по проблеме. Итогом стал заметный перекокс в отношении исследователей к имеющимся источникам (игнорирование материалов местных органов государственной власти, органов местного самоуправления), навязывание им конк-

ретных сюжетов (деятельность советов, ФЗК, профсоюзов как управленческих структур), описательных схем (концепция двоевластия, концепция противостояния органов власти, имевших разный классовый состав), однозначных выводов.

Доминирование в региональной литературе большевистских оценок не означало, впрочем, жесткой зависимости авторских позиций от буквы партийных документов. В целом сложившуюся в историографии темы ситуацию можно оценить как плюрализм мнений при наличии доминирующей концепции.

Второй параграф главы отражает результаты изучения процесса складывания проблематики исследований по теме. В литературе выявлены блоки информации, связанные с организацией новых органов власти и управления, их соотношением в процессе функционирования, полномочиями и конкретной деятельностью.

Обращаясь к вопросу об организации органов власти, исследователи однозначно заявляют об идентичности шедших на Урале процессов с аналогичными в центре страны, других регионах (Ю. Блинова, В. Кармашев, М. Коптилов). Наличие общего, впрочем, не означало отсутствия специфических черт. Специфика проявлялась в демократичности процесса организации структур, возникших по инициативе населения. Они избирались на внесловной, конкурентной основе. На широкой социальной базе формировались внеклассовые по самой своей сути КОБы. На данный факт прямо указывают А. Бессонова, А. Орлов, Н. Юрцовский. Не менее демократичным путем, по мнению современников, шло и формирование разного рода советов (П. Быков, В. Сергеев).

Признание факта демократичности процесса формирования отмеченных органов, выгодно отличающее литературу 20-х гг. от более поздней, никоим образом не отражалось на общем отношении авторов к их деятельности. Комитеты общественной безопасности, волостные комитеты трактовались при этом как органы, отстаивавшие интересы буржуазии; советы, фабрично-заводские комитеты, соответственно, интересы пролетариата.

Слабо в региональной литературе освещены условия и особенности формирования вертикали местных органов Временного правительства. Реально, историков в данном случае интересовал вопрос не о том, как они формировались, а о том, какова была их классовая сущность.

Ряд аспектов, имеющих принципиальное значение для уяснения сущности процесса образования органов власти и управления в 1917 г. (правовая сторона проблемы, механизм формирования влас-

тных структур, временные границы процесса), остались в региональной литературе практически неосвещенными.

Вопрос о соотношении разных органов в процессе власти и управления решался 20-е гг. сквозь призму противопоставления одних органов другим. При рассмотрении пары «советы – структуры Временного правительства» явное предпочтение отдавалось советам (А. Баранов, В. Эльцин). Более противоречивыми выглядят результаты сопоставления роли советов и КОБов. Если П. Быков, В. Эльцин указывают на приоритет советов, то Е. Гольдич отмечает случаи, когда КОБы вплоть до осени являлись более влиятельными.

Вопрос о конкретных управленческих функциях органов власти был проанализирован историками лишь применительно к тем из них, которые стояли на позициях радикального обновления общественных и политических отношений в регионе. Степень радикальности деятельности властных структур, при этом, напрямую увязывалась с социально-классовой принадлежностью и политическими пристрастиями входивших в них лиц. В итоге, освещенными оказались полномочия большевистских советов и имевших весьма ограниченную сферу компетенции ФЗК.

Вторая глава «История органов власти и управления на Урале в период 1917 г. в работах историков 30-80-х гг. » состоит из двух параграфов.

В рамках первого анализируются концептуальные основы советской историографии проблемы. В 30-80-е гг. происходит существенное увеличение количества работ, посвященных интерпретации вопросов власти и управления на Урале в 1917 г. Помимо разработок уральских историков значительно больший интерес к региону стал ощущаться в исследованиях общесоюзного масштаба. Изучение проблемы в указанный период осуществлялось, однако, на принципиально иной методологической основе.

Определяющее влияние на развитие исследований оказало вмешательство партийного руководства в изучение истории революции. Результатом вмешательства стало появление в 1935 г. «Истории Гражданской войны в СССР», в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». В обеих работах вопрос о власти был обозначен как второстепенный. «Краткий курс» создал прецедент его рассмотрения в контексте истории большевистской партии, борьбы большевиков со своими политическими оппонентами, «История Гражданской войны в СССР» – в рамках узкоспециализированных тем: «революция и рабочий класс», «революция и крестьянство», «революция и армия», «революция и национально-освободительное движение».

Освещение строилось в соответствии с рядом задававших жесткие рамки базовых принципов: 1) тема рассматривалась с политико-идеологических, а не управленческих позиций. Особый акцент делался на выяснение партийной принадлежности представителей органов власти и управления, анализ их взаимоотношений друг с другом в контексте партийной принадлежности, выискивание классового подоплека в позициях представителей власти, отдельных органов; 2) тема рассматривалась с позиций наличия в стране двух систем властных органов. Причем, сами эти системы подменялись основными из составляющих их компонентов: Временным правительством и советами. Все остальные органы власти и управления либо игнорировались, либо рассматривались в контексте их взаимосвязи с обозначенными; 3) тема рассматривалась в соответствии с принципом жесткой увязки региональных процессов со столичными. Утверждалось, что местные властные структуры возникали и функционировали под воздействием аналогичных структур в Петрограде.

Второй параграф представляет собой анализ основных направлений и результатов изучения темы. Существенное внимание в литературе было уделено вопросу формирования новой системы власти. Ф. А. Александров, Э. П. Андерсон, Г. А. Дробышев, Е. И. Дударь, В. Г. Мосолов, С. И. Нуйкин, К. М. Первухина, Т. С. Томшич проанализировали его применительно к истории советов Урала. Исследователями были выявлены такие специфические черты региона, как: 1) большее, чем в целом по стране количество возникших советов; 2) неравномерность их размещения по территории региона; 3) размытость социального состава как выбирающих, так и депутатов. Тщательной проработке подверглась сама процедура выборов и структура вновь создававшихся советов. Впервые в период 30-80-х гг. в региональной литературе появляются материалы, посвященные истории формирования сельских (Р. М. Раимов, И. С. Капцугович), национальных (И. Р. Тагиров, Р. К. Валеев) и армейских (Н. Н. Попов) советов на Урале.

Значительные разногласия у историков вызвал вопрос о формировании комитетов общественной безопасности. Выявились два подхода. Первый строился на рассмотрении комитетов как буржуазных органов (Ш. И. Типеев, Г. П. Рычкова, Я. С. Юферев, П. И. Рощевский, Н. К. Лисовский, Г. А. Дробышев). Отсюда делался вывод о недемократичности процесса их формирования. Указывалось, что КУБы выбирались на закрытых заседаниях местными буржуазно-помещичьими элементами. Основной костяк в них составляли представители буржуазии, чиновников и помещиков, отдельные же ра-

бочие вводились для обмана масс. Второй подход базировался на тезисе о неоднородности этих органов (Ф. С. Горовой, В. В. Адамов, К. М. Первухина, Е. Н. Бабикова). Заявлялось о необходимости отделять друг от друга, с одной стороны, губернские и отчасти уездные комитеты, создававшиеся буржуазией, с другой же, — комитеты, возникавшие непосредственно на местах по инициативе населения.

Слабее обозначенных сюжетных линий в литературе отражен вопрос о формировании проправительственных структур. Историки сходятся во мнении, что Временное правительство как основной организатор системы власти и управления в регионе проявило себя чрезвычайно слабо. Е. Н. Бабикова, Т. М. Баженова, Р. К. Валеев, П. И. Рощевский обосновали тезис о зависимости процесса назначения комиссаров не от правительства, а от местных общественных организаций, указали на частую смену губернских представителей центральной власти. Четко высветили историки и то, что сами комиссары не могли влиять на процесс институализации других структур, образовывавшихся в связи с постановлениями правительства (И. С. Капцугович, Л. И. Легошин, Э. Д. Попова, П. И. Рощевский, Л. А. Евдокимов).

Реформирование органов местного самоуправления, как показала Т. М. Баженова, прошло в два этапа. Первый был связан с частичным увеличением их состава весной 1917 г., второй с проходившими в летне-осенние месяцы кампаниями по выборам в земства и думы. Наиболее значимым из них, как показали Т. М. Баженова, С. И. Куляпин, Е. Н. Бабикова, Р. С. Цейтлин, В. В. Гришаев, являлся второй. Историки указали, с одной стороны, на многочисленные факты нарушений законодательства в ходе проведения голосования, с другой стороны, на высокий уровень абсентеизма со стороны населения.

Значительное внимание в литературе было уделено проблеме взаимосвязи различных органов власти друг с другом и их соотношению в управленческом процессе. Взаимосвязь прослеживалась на нескольких уровнях. Организационный — участие одних структур в создании других. К. М. Первухина, Т. М. Баженова, Л. И. Футорьянский выявили подобную связь между советами и КОБаами. Т. М. Баженовой принадлежит тезис о значимости роли КОБов и советов в деле расширения состава городских дум и в подготовке кампаний по выборам в эти органы. Т. М. Баженова, Р. К. Валеев, обратили внимание на факты влияния советов и комитетов на формирование института правительственных комиссаров. Связь эта, по мнению авторов, носила односторонний характер: была направлена от советов и комитетов к представителям правительства в регионе.

Другой уровень взаимосвязи разных органов, на который акцентируют внимание историки, может быть обозначен как личностный. Речь идет о совмещении одними и теми же лицами постов в разных структурах. Указания на подобного рода факты содержатся в работах Н. Н. Попова (председатель совета — заместитель председателя гарнизонного комитета), Р. К. Валеева, Т. М. Баженовой (комиссар — председатель КОБа), Л. А. Евдокимова (комиссар — председатель земельного комитета), П. И. Рощевского (комиссар — городской голова). Совмещение должностей, как показано в литературе, создавало предпосылки для согласованной деятельности связанных таким образом органов власти и управления.

При решении вопроса о соотношении разных органов в процессе управления выявилось два подхода. Первый предполагал уравнивание между собой всех «буржуазных» органов и противопоставление их советам при объявлении лишь последних единственной реальной властью на местах. Такой упрощенный подход культивировался в работах 30-50-х гг. Второй (более взвешенный) подход строился на принципе попарного анализа влияния основных властных структур. Наиболее изученными линиями в данном случае оказались: советы — КОБы, КОБы — комиссары. В обоих случаях выявились различия во взглядах исследователей, связанные как со спецификой протекания революционного процесса в разных местностях региона, так и требованием государства описывать события в соответствии с канонами классового принципа.

Параллельно с обозначенными сюжетами в 30-80-х гг. разворачивалось изучение вопроса о конкретных полномочиях важнейших властных структур. Общей особенностью являлось использование двойного стандарта при оценке роли в системе власти и управления тех или иных органов. Все мероприятия, проводившиеся «буржуазными» и «мелкобуржуазными» по своему составу органами власти и управления или совпадавшие с линией Временного правительства трактовались как негативные, не влекшие за собой каких-либо улучшений. В то же время, все, что делалось большевиками, при их непосредственном участии или в русле их программы получало в литературе исключительно положительную оценку. Пробольшевистские органы изображались как последовательные борцы за проведение земельной и муниципальной реформ, введение широкого самоуправления, 8-и часового рабочего дня, контроля над производством и т. д.

Третья глава «Современная историография органов власти и управления на Урале в период революции 1917 г.» посвящена анализу работ 90-х гг. Состоит из двух параграфов.

Первый отражает процесс трансформации методологических основ исследования проблемы на современном этапе. События 80-90-х гг. способствовали переосмыслению истории 1917 г., значительно повысили интерес к проблеме власти и управления в период революции. С начала 90-х гг. создались благоприятные условия для расширения источниковой базы темы за счет материалов, находившихся в течение длительного времени в отделах спецхранения архивов разного уровня. Процесс введения новых данных на протяжении 90-х гг. шел по нарастающей. В отношении Урала можно вести речь о двух его этапах. До середины 90-х гг. основные усилия исследователей были сосредоточены либо на выяснении информативных возможностей того или иного источника, либо на знакомстве общественности с содержанием наиболее ценных материалов. Во второй половине 90-х гг. происходит переориентация исследователей на использование ранее недоступных материалов при построении собственных концепций событий прошлого.

Параллельно с расширением источниковой базы протекал процесс расширения и концептуальных основ изучения системы власти и управления. На смену марксистскому подходу пришли юридический, политологический, культурологический.

Юридическая парадигма исходит из деления всех вновь возникших в 1917 г. властных структур по признаку их легальности, включенности в правовую систему государства. Предпочтение при анализе отдается органам Временного правительства, земствам, городским думам. Советы, КОБы, другие самостоятельные структуры либо вообще исключаются из процесса изучения, либо переводятся на его периферию (Д. В. Бугров, Н. Н. Попов, Е. Г. Анимича, А. Т. Тертышный).

Политологический подход исходит из трактовки властных отношений как возможности влияния на общество. Его элементы проявляются в работах И. Кириянова, Л. А. Обухова. Последний, в частности, применяет политологические выкладки для того, чтобы обосновать необходимость рассмотрения советов как равноправных органов власти и управления революционного времени.

Сутью культурологического подхода является стремление понять и объяснить психо-культурные и ментальные основы организации системы власти и управления. Применительно к региональным событиям его пытались использовать И. И. Жукова (специфика организации власти в сельских районах), В. Ф. Мамонов (специфика системы власти и управления в казачьих областях), С. Ф. Касимов, А. Б. Юнусова (специфика органов власти и управления в национальных районах).

Помимо обозначенных, значительное внимание историков привлек метод анализа альтернатив политического развития в 1917 г. Наиболее общие теоретические аспекты использования данного подхода обосновали в своих работах О. А. Васьковский, А. Т. Тертыйшный, Е. Б. Заболотный. Непосредственно изучением альтернатив 1917 г. на Урале в 90-е гг. занимались Н. Н. Попов, Д. В. Бугров, В. В. Московкин, Л. А. Обухов, Л. Г. Протасов, В. М. Кружинов. Их внимание привлекли нереализовавшиеся модели политического развития осени 1917 г.: создание и крах коалиционных органов власти и управления в крае.

Анализу реально произошедших изменений в авторских подходах посвящен второй параграф главы. Результатом трансформации источниковой и методологической базы исследований стал отказ от теории двоевластия. На смену ей пришло несколько альтернативных парадигм. Первая может быть обозначена как «не двоевластие, а единовластие на основе сотрудничества». Подобная логика присутствует в работах Д. В. Бугрова и Н. Н. Попова, коллективной «Истории Урала». Вторая схема – «не двоевластие, а многовластие». Ее используют В. В. Московкин, В. Ф. Мамонов. Наконец, третья концептуальная схема – «не двоевластие, а безвластие». Именно так трактует ситуацию Л. А. Обухов.

Существенные изменения произошли в освещении вопроса формирования органов власти и управления. Доминирующей стала парадигма преемственности управленческих функций и самоорганизации населения в условиях вакуума центральной власти. Изменилась очередность освещения сюжетов. В первую очередь исследователи обращаются к анализу истории местных органов государственной власти. В отношении правительственных комиссаров указывается на их организационную связь с земствами (В. В. Московкин), демократический характер процедуры выборов (Д. В. Бугров, Н. Н. Попов, Г. А. Герасименко).

Как находящиеся между государственными и общественными в литературе 90-х гг. характеризуются земства и городские думы. Наибольшую заинтересованность в их реформировании, как указывают историки, проявляло не столько население, сколько государство. Решающая роль правительственных комиссаров в оформлении системы земского самоуправления в регионе отражена в работах Г. А. Герасименко, М. В. Лавровой. Важен тот факт, что исследователи сделали данный вывод на основе анализа материалов по разным местностям Урала. И. Ф. Иванцова, И. В. Фоминых, А. Ю. Конев, И. И. Жукова, М. В. Лаврова показали отношение населения к идее самоуправления. Оно, по их мнению, было безразличным. Причины антипатии насе-

ления видятся исследователям в усталости крестьянства от социальных потрясений, боязни роста налогов в связи с необходимостью содержания новых служащих, определенной конкуренции со стороны других органов.

Принципиально иная логика освещения проблемы используется при обращении к вопросу о создании КОБов, советов, крестьянских союзов. Процесс их формирования трактуется как реакция населения на революцию и крушение старой системы власти.

Применительно к КОБам распространенной стала точка зрения, согласно которой их формирование было инициировано не столько населением, сколько представителями местных элитарных групп (В. В. Московкин, авторы «Истории Урала»). Исследователи расходятся в понимании сущности комитетов. Одни (Л. А. Обухов, В. В. Московкин) утверждают, что КОБы не только претендовали на власть, но и были ею. Иного мнения придерживаются Д. В. Бугров, Н. Н. Попов, Г. В. Мордвинцев, отмечающие, что комитеты не могли вмешиваться и не вмешивались в сферы компетенции органов власти и управления Временного правительства.

Заметные сдвиги наметились в оценке времени и общего контекста образования советов. Исследователи отмечают длительность данного процесса (Л. А. Обухов, В. В. Московкин), его сугубо «городской» характер (И. Ф. Иванцова, Л. А. Обухов, В. В. Московкин). По мнению историков, советы рабочих и солдатских депутатов на Урале начали возникать лишь в апреле 1917 г. и, таким образом, не могли составить конкуренции комиссарам. Тем более не могли составить конкуренции традиционным органам крестьянского самоуправления советы крестьянских депутатов.

Пристальное внимание историков к традиционным структурам крестьянского самоуправления (крестьянским союзам и общине) следует считать отличительной чертой историографии последнего десятилетия. При этом, если управленческая роль общины не вызывает споров у исследователей (на материалах Зауралья ее исследовали И. Ф. Иванцова, И. И. Жукова), то по поводу роли крестьянских союзов имеются существенные разногласия. Л. А. Обухов, В. В. Московкин указывают, что союзы возникали по инициативе правительства и преследовали цель отвлечь крестьян от советов. И. Ф. Иванцова полагает, что союзы стали возникать раньше советов и по инициативе самого населения. Целью создания союзов, по ее мнению, было стремление крестьян защитить свои интересы посредством самоорганизации.

Значительные изменения произошли в понимании роли отдельных органов в процессе управления. Лидирующее место отводится историками местным органам Временного правительства. Интересно, что реальная управленческая деятельность комиссаров и подведомственных им структур при этом освещается в литературе крайне слабо.

90-е гг. явились временем переоценки роли в процессе управления земств и дум. Е. В. Фоминых и А. Ю. Конев, М. В. Лаврова (применительно к земствам), И. И. Жукова, Г. В. Мордвинцев, Е. В. Фоминых, А. Ю. Конев (применительно к думам) обосновали факт существенного расширения круга их полномочий.

Обращаясь к вопросу о функциях советов и комитетов, историки указывают на согласованность их действий друг с другом, институтами самоуправления и представителями правительства в регионе на раннем этапе революции. Отношения между органами революционной и государственной власти в это время строились по принципу разграничения полномочий. Функции советов и КОБов, как показывают Л. А. Обухов, Г. В. Мордвинцев, В. В. Московкин, были одинаковыми и сосредотачивались не в хозяйственной, а политической плоскости. Идентичность функций приводит советы и комитеты к борьбе за доминирование в системе властных отношений. Историки расходятся в оценке времени проявления разногласий между советами и КОБами на уровне региона. Д. В. Бугров, Н. Н. Попов, Л. А. Обухов полагают, что противоречия выявились лишь к концу весны. По мнению В. В. Московкина, отношения советов и КОБов изначально носили конфликтный характер, а потому говорить о мирном их сосуществовании нельзя.

В контексте общего анализа функций советов и комитетов оказалась слабо освещенной специфика их деятельности в сельских местностях Урала. И. Ф. Иванцова указывает лишь на политическую подоплеку в деятельности уездного звена крестьянских комитетов. Волостные и сельские комитеты, по мнению исследовательницы, были более ориентированы на реальную работу. Что касается управленческой деятельности советов крестьянских депутатов, то она остается практически не изученной современными историками.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются результаты изучения проблемы власти и управления на протяжении длительного периода времени. В целом, за рассмотренный период переосмысление проблемы имело место как минимум несколько раз. Причины трансформации исследовательских подходов обуславливались как факторами научного (появление новых методологических подходов; введение новых источников и т. д.), так

и политического характера (изменение базовых элементов государственной идеологии; смена государственного строя). Влияние политических факторов представляется доминирующим: реформы системы власти и управления всегда напрямую увязывались со складывающейся на каждом новом этапе развития государства управленческой практикой, становились фактором легитимации (делегитимации) господствующих органов власти и управления.

Несмотря на разницу в мировоззрении историков разных поколений проведенный анализ позволяет делать вывод о наличии общих моментов. Авторы указали на первостепенность роли не государства, а населения в процессе формирования и функционирования органов власти. В условиях национального кризиса, слабости государственного центра, власть в регионе держалась не усилиями армии и полиции (милиции), не непререкаемостью закона, а доверием населения. Легитимность органов власти достигалась за счет введения в них авторитетных местных деятелей, декларирования готовности разрешить насущные нужды населения, учета специфики отдельных районов и областей региона. В свою очередь факторами делегитимации являлись навязывание тех или иных форм организации сверху, попытки переложить содержание органов власти на население, очевидное бездействие чиновников. В условиях ярко выраженной конфронтации между отдельными социальными группами, нежелания одних признавать легитимность структур государственной, а других общественной власти, процесс власти и управления мог осуществляться и осуществлялся лишь на основе взаимодействия различных органов.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Криницкий А. Я. О роли и месте контактной комиссии в истории взаимоотношений Временного правительства и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов // Тобольский исторический сборник. Вып. II. Ч. 2. Тобольск, 1997. С. 32-35.

2. Криницкий А. Я. Власть и общество в период кризиса российской государственности: философское осмысление проблемы русскими мыслителями первой половины XX века // Тюменский исторический сборник. Вып. III. Тюмень, 1999. С. 59-68.

3. Криницкий А. Я., Придорожный А. В. О роли истпартов в становлении региональной исторической науки // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 112-120.

4. Криницкий А. Я., Придорожный А. В. История испартов по материалам ТОЦДНИ // Архивы на рубеже веков: их роль в исторической науке, практике управления обществом. Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 1999. С. 21-24.

5. Криницкий А. Я. Формирование гражданского общества в России: опыт 1917 г. // Интеллигенция и формирование гражданского общества в России. Тезисы докладов Всероссийской конференции. Екатеринбург, 2000. С. 64-66.

Соискатель

А. Я. Криницкий

ЛР 020405 от 14.05.97

Подписано в печать 18.09.2001. Формат 60х84/16.

Объем 1,0 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Заказ № 417

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

2-